

Влияние событий предколониального и колониального периодов на возникновение военно-политического конфликта на севере Уганды

Научный руководитель – Львова Элеонора Сергеевна

Александров Иван Владимирович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра африканистики, Москва, Россия

E-mail: Esvechepch@yandex.ru

Уганда после обретения независимости, как и многие другие африканские страны, не отличалась политической стабильностью. Изгнание из страны традиционного правителя Буганды Мутесы, печально известное правление Иди Амина, сопровождавшееся войной с соседней Танзанией и этническими чистками, новая череда военных переворотов. Приход к власти Йовери Мусевени в 1986 году, казалось бы, мог положить конец такому развитию событий, однако на севере страны появился новый очаг конфликта, который со временем вышел за границы Уганды, затронув ДРК, Судан и ЦАР. Речь идёт о деятельности группировки «Господня Армия Сопrotивления» (далее будет использоваться английская аббревиатура - LRA) во главе с Джозефом Кони. Жестокость, с которой действовали члены LRA (важно отметить, что этническая основа этой группировки - народ ачолы), и особая роль христианства в их идеологии мгновенно привлекли внимание прессы и специалистов. Некоторые журналисты считали LRA просто многочисленной преступной группировкой, отказывая признать, что у движения есть политические мотивы [4]. Специалисты, социологи и политологи, подошли к проблеме более основательно, попытавшись отследить историю проблемы. Важно, что особое внимание было уделено идентичности ачолы, её становлению в колониальный период. Отдельного упоминания заслуживают работы европейских ученых Рудди Дума и Коэна Влассенрута, в которых представлен наиболее фундированный подход к проблеме [3]. Однако и в этих исследованиях уделяется не так много внимания именно исторической составляющей, в частности привлекаются далеко не весь спектр возможных источников.

Целью данного исследования является расширение представлений об истории развития общества ачолы с привлечением материалов из колониального журнала «Uganda Journal» и дневников колониальных деятелей. На основании этих источников мы можем увидеть, что ачолы, жившие на момент прихода британцев в разрозненных кланах, стали воображать себя как единый народ только после определенных воздействий со стороны европейцев. Не все они были осознанными мерами, многие последствия британцы едва ли могли себе представить.

Во-первых, экономическая отсталость северной части Уганды по сравнению с южной обусловлена не только географическим фактором. Южные районы действительно более плодородны, а на Севере часть территорий входила в зону особенного риска заражения сонной болезнью, так что вынужденные миграции происходили постоянно, в том числе и в колониальный период [2]. Но также важно выделить значительный урон, которые понесли северные территории в период колониальных захватов. Начиная с отколовшихся от Эмина-паши так называемых «нубийских стрелков», которые грабили кланы ачолы, отбирая скот, женщин и продовольствие, и заканчивая потерями (боевыми и не только) в результате экспедиций сил британцев против отказывавшегося сдаваться Авичи, вождя самого крупного клана ачолы. Авич был союзником другого яркого противника британцев Кабареги, правителя Буньоро, и даже временно предоставлял ему убежище в своей

резиденции [1]. Людские потери, высокая смертность скота, сожженные деревни, поля и пастбища - всё это не могло не привести к тому, что этому региона была уготована роль поставщика дешевой рабочей силы на плантации и позже предприятия южных районов.

Во-вторых, помимо использования ачولي в качестве рабочей силы британцы решили сделать их основой колониальных военных формирований. Руководствовались при этом колониальные власти не желанием помочь ачولي в выработке некоей общей идентичности, а как раз наоборот: в связи с тем, что ачولي представляли собой ряд не слишком дружных друг с другом кланов, из них без опаски можно было набирать солдат. Следует отдельно отметить, что этноним «ачоли» стал активно использоваться лишь в 30-ые годы XX века, до этого существовали разобщенные кланы, которых европейцы называли, как правило, «шули» или «ганги» [5].

Это подводит к третьему пункту, который рассматривает действия колониального правления в рамках территориально-административного деления региона. Изначально, чтобы не дробить территорию на небольшие кланы, но и не создавать излишне крупную административную единицу, северная часть Уганды, в будущем ставшая Ачолилендом, был разделён на два дистрикта - Гулу и Чуа, и лишь в 1937 они были объединены в единый Ачоли дистрикт или Ачолиленд [2]. То есть за этот период произошло развитие самосознания ачоли: от разрозненных и конфликтующих кланов до относительно единой этнической общности. Это стало результатом их доминирования (с точки зрения численности) в колониальных войсках и влияния взаимодействий с колониальным аппаратом управления.

Таким образом, на основе изложенной выше информации можно прийти к выводу о том, что идентичность ачоли, тесным образом завязанная на милитаристской составляющей, начала складываться еще в колониальный период. Доминирование ачоли в армии, продолжившееся и после обретения Угандой независимости, наряду с их отстраненностью от гражданской власти и тяжелыми экономическими условиями неизбежно должны были привести к политико-социальному конфликту, апогеем которого и стала LRA.

Источники и литература

- 1) Bere R. M. Awich - a biographical note and a chapter of Acholi history // The Uganda Journal, vol. 10. No. 2. 1946. pp. 76-79.
- 2) Bere R. M. Outline of Acholi History // The Uganda Journal, vol. 11. No. 1. 1947. pp. 1-9.
- 3) Doom R., Vlassenroot K. Kony's Message: A New Koine? The Lord's Resistance Army in Northern Uganda // African Affairs, vol. 98, no. 390, 1999. pp. 5-36.
- 4) Kaplan R. D. The Ends of the Earth: A journey at the dawn of the 21st century. New York, 1996.
- 5) Schweinfurth G. (ed.) Emin Pasha In Central Africa. London, 1888.